

Дом в Клину

Мы снова пришли «в гости к Чайковскому», в эти тихие комнаты клинского Дома-музея, в уединенную и светлую обитель русского искусства и русской культуры.

Знакомая картина: все, как встарь; все, как было когда-то!.. Та же мебель в рабочем кабинете Петра Ильича, и на письменном столе в том же знакомом порядке разложены все его вещицы — перья, печатки, бесчисленные мундштуки, и коробка с визитными карточками, и пенсне в старомодной оправе. Так же за стеклом горки поблескивают хрусталь и серебро — ценные подарки восторженных почитателей. На обычном месте лежит дирижерская палочка великого музыканта. В спальне, у изголовья кровати, попрежнему висит его красный халат; а в углу, у окна, на старом месте стоит простой, некрашеный стол — тот самый, за которым была написана Шестая симфония...

Как будто ничего не случилось, не происходило здесь за эти четыре военных, грозных года! А между тем...

...Был день. Осенний ветер шумел в облетающем саду, хлопал распахнутыми настежь дверями; на лестнице тяжело топали грузчики — побряхивали, покрикивали: «Раз, два—взяли»... Качаясь над головами, проплывали вниз по ступеням длинные тяжелые ящики, бережно упакованные стулья, шкафы, столы. А с площадки вслед глядел суровым и горестным взглядом старый, седой человек, очень похожий лицом на Петра Ильича, — хранитель музея Ю. Л. Давыдов, племянник Чайковского.

Дом пустел. Холодный сквозняк гулял по этажам, где-то наверху тревожно и

Дом-музей П. И. Чайковского в Клину, Московской области. Снимок Н. Федосеевой и В. Давидовой (ТАСС).

гулко стучали молотки. Озабоченные, оступившиеся люди ходили по опустелым комнатам, таким родным и таким неузнаваемым; каждый стук, каждый шаг отзывался в сердце щемящей болью расставания.

Гонимые ветром надвигающегося вражеского нашествия, вещи покидали свои места. И вслед за вещами уходили отсюда люди, которые годами любовно берегли эти реликвии русской культуры. Они уезжали на Восток, в далекий Воткинск, на родину П. И. Чайковского, предусмотрительно и заботливо спасая от немецких вандалов все самое ценное, уникальное, все основные фонды музея.

Вот заколочена крышка последнего ящика. Отданы последние распоряжения. У подъезда уезжающие прощаются с горсточкой сотрудников, остающихся здесь для охраны самого дома и невывезенного, менее ценного имущества:

— До свидания, товарищи!..

И кто-то вспоминает в эту минуту крылатое слово тех дней:

— Мы вернемся... Помните, русские всегда возвращаются.

Прислонясь спиной к притолоке, спо-

койно и грустно смотрит поверх очков вслед уходящим машинам старый экскурсовод А. М. Шапшал. Потом он неторопливо и тщательно запирает парадную дверь с металлической табличкой: «П. И. Чайковский — Дома нет» — и медленно уходит в дом. В прихожей, за вешалкой, закрывая ладонью рот, тихо плачет тетя Даша — Дарья Лукьяновна Спирова, уборщица этого опустелого дома, в котором она прожила уже четверть века:

— Что-то будет?..

...О том, что здесь было, не хотелось бы сегодня вспоминать. Но и забыть этого невозможно.

Мы помним, какими гневными, бичующими словами покойный писатель Евгений Петров, после освобождения города Клина, передавал свои впечатления от посещения разоренного фашистами дома Чайковского:

«Стадо взбесившихся свиней не могло бы так загадить дом, как загадили его немцы».

Мы помним не только эти слова, — мы видим вещественные доказательства. В одной из комнат восстановленного музея собраны все улики: фотоснимки, обгорелые книги, печатная партитура «Манфреда» с обугленными краями (потами и книгами немцы топили печи); тут же обломки разбитых фашистами бюстов Чайковского и Глазунова... Этот новый отдел музея — своеобразная «выставка немецкого свинства», позорный столб, к которому да будут пригвождены навеки «люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных»!

Сегодня, когда Чайковский «снова дома», в Клину, когда вернувшийся из Воткинска музей опять расположился в тех же комнатах, и каждая вещица, вплоть до последней пепельницы, любовно поставлена на прежнее место, и каждое кресло нашло свою «отметину» в полу, — почти трудно себе представить те мрачные и оскорбительные сцены, которые разыгрывались здесь в ноябре—декабре 1941 года. Рассудок отказывается вместить: как, ужасно, вот здесь? Но улики и очевидцы подтверждают: да, все это было, вот здесь, в этих самых комнатах.

Вот здесь была сапожная мастерская, здесь — франция, там, в вестибюле, — га-

раж для мотоциклов. А вот тут, в личных комнатах Чайковского, гитлеровские мотоциклетчики устроили себе казарму.

Это были отборные густопсовые «арийцы», достойные потомки тех «паршивых берлинцев с вонючими сигарами», о которых с такой беззлостной ненавистью писал П. И. Чайковский в письме к брату в январе 1876 года. Он сожалел о том, что задержался в прусской столице даже проездом:

«Раскаиваюсь, что решил здесь остаться... До чего Берлин кажется омерзительным, гадов, подл...».

Но даже эти гневные слова недостаточны, чтобы отхлестать ими тех «паршивых берлинцев», которые в течение трех недель хозяйничали в клинском доме великого музыканта.

Как презрительная надгробная эпитафия над прошлым, над всем, что произошло в этом доме в черные дни немецкого нашествия, звучат слова, начертанные на витрине музея:

«Фашизм сгниет, а голос правды будет вечно звучать».

Голос правды, голос победы!

Мы слышим его сегодня в ликующих залпах московских салютов, в словах исторических сталинских приказов, в торжественных звуках советского гимна.

Мы слышим его и здесь, в маленькой гостининой клинского дома, — в прозрачных и чистых звуках фояля Чайковского.

Есть светлый смысл и историческая справедливость в этом совпадении двух событий: Берлин лежит в развалинах — клинский домик Чайковского восстановлен. Снова широко открыты его двери для всех приходящих «в гости к Чайковскому». И попрежнему живет и дышит в стенах этого маленького подмосковного домика бессмертный гений русской музыки, ее слава, ее правда.

Об этом с радостью, с гордостью говорили представители московской общест-венности, композиторы, артисты, профессора, выступая с приветствиями на состоявшемся в минувшее воскресенье торжестве открытия восстановленного Дома-музея Чайковского в Клину.

Вл. ХОЛОДКОВСКИЙ.

АДРЕСА И ТЕЛЕФОНЫ:

РЕДАКЦИИ и ИЗДАТЕЛЬСТВА: Потаповский, 3 (со стороны ул. Чернышевского, ул. Карова и Чистых прудов). Телефоны: Коммутатор К 5-55-81 и доб. по коммут. 4. Отдел пропаганды и партотдел К 8-11-11 и К 3-83-89 и доб. по коммут. 31 и 15. Военный отдел К 5-01-42 и доб. по коммут. 45. Отдел комсомольской мут. 93. Отдел обзоров печати К 3-86-48 и доб. по коммут. 108. Прием телефонোগрам К 1-15-78. Корректур К 0-30-03 и доб. по коммут. 112. Отдел художественной